

Содержание

<i>Дмитрий Шеваров. Ушли на рассвете</i>	7
--	---

1941

Леонид Крапивников 19 лет	12
Алексей Лебедев 29 лет	30
Борис Смоленский 20 лет	42
Георгий Вайнштейн 22 года	58

1942

Николай Майоров 22 года	74
Василий Кубанёв 21 год	104
Александр Подстаницкий 20 лет	124
Павел Коган 24 года	132
Евгений Поляков 21 год	150
Владислав Занадворов 28 лет	172
Николай Копыльцов 22 года	202

1943

Иван Малозёмов 21 год	222
Рэм Маркон 23 года	236
Дмитрий Завадовский 21 год	248
Михаил Кульчицкий 23 года	258
Георгий Корешов 29 лет	282
Моисей Рыбаков 24 года	292
Владимир Калачёв 24 года	304
Иосиф Ливертовский 25 лет	322
Захар Городисский 19 лет	336
Ананий Размыслов 27 лет	346
Илья Лапшин 23 года	358
Виктор Рачков 20 лет	374

Ариан Тихачек 20 лет	392
Мурат Елекоев 19 лет	416

1944

Георгий Суворов 24 года	432
Юрий Дивильковский 19 лет	446
Мухарбек Кочисов 23 года	460
Дмитрий Удинцев 24 года	468
Мирза Геловани 27 лет	510
Леонид Розенберг 22 года	526
Владимир Булаенко 26 лет	542
Евгений Разиков 23 года	552
Всеволод Лобода 29 лет	574

1945

Микола Сурначёв 28 лет	590
Виктор Лузгин 27 лет	604

Поминальные записки	615
---------------------	-----

<i>Алексей Симонов. Прочерк</i>	685
---------------------------------	-----

Источники	689
Краткая библиография	690
Благодарности	693

Ушли на рассвете

Летом 1942 года поэт Семён Гудзенко вышел из госпиталя и вернулся в Москву. Однажды на улице Горького он услышал шаги за спиной. Оглянулся: незнакомая женщина. «Простите, — говорит, — ошиблась. У вас стрижка, как у моего сына. Сзади вылитый Вова. Извините...»

В XXI веке 9-го Мая по той же улице течет людская река — идет шествие Бессмертного полка. И вдруг обжигает мысль: а как же те мальчики, чьи фотографии некому нести? Ведь несут родные родных, а у тех нецелованных или не успевших жениться ребят не осталось потомков. Их сыновьям было бы сейчас под восемьдесят, внукам — под шестьдесят, правнукам — около тридцати, прапра-внуки пошли бы нынче в школу...

Но, быть может, они — эти погибшие безусые мальчики — там, в ином мире, на особом счету? И 9-го Мая не люди, но ангелы проносят их чистые образы?

Мало кто из тех ребят успел до войны выпустить сборник стихов или опубликовать свои стихотворные опыты в литературных журналах. Многие не увидели напечатанной ни одной своей строчки. Их архивы, и без того скудные,

утрачены в войну или после нее, а уцелевшие рукописи далеко не все опубликованы. От некоторых юношей, пробовавших себя в поэзии, и рукописей не осталось — лишь свидетельства близких, друзей или однополчан о том, что они писали стихи.

Кто-то из подкованных читателей, пролистав эту книгу, строго спросит: как можно называть поэтами тех, кто лишь мечтал о литературе и писал еще ученически? Вот и образы что-то банальны, и рифмы хромают...

Им давно, еще во время войны, ответил танкист Сергей Орлов:

Когда-нибудь потомок прочитает
Корявые, но жаркие слова
.....
Как дымом пахнет все стихотворенье,
Как хочется перед атакой жить...
И он простит мне в рифме прегрешенье...
Он этого не сможет не простить.
Пускай в сторонку удалится критик:
Поэтика здесь вовсе ни при чем.
Я, может быть, какой-нибудь эпитет —
И тот нашел в воронке под огнем.
Здесь молодости рубежи и сроки,
По жизни окаянная тоска...
Я порохом пропахнувшие строки
Из-под обстрела вынес на руках.

А еще мне неотступно вспоминается пушкинское:
«А мы с тобой вдвоем предполагаем жить...»¹.

¹ А. С. Пушкин. «Пора, мой друг, пора!»

Мальчики 1941 года видели себя в русской культуре, дышали ею и *предполагали жить*. И это позволяет нам — независимо от того, сколько стихотворений они успели написать, — *предполагать* в них поэтов. И помнить, что за каждым именем — огромный мир чувств, мыслей, надежд, в одночасье прерванных войной. Быть может, среди этих ребят, где-то в братской могиле, лежит и тот новый Пушкин, которого мы ждем до сих пор.

В мае вечерние сумерки слишком быстро переходят в утренние. Не звоните, будильники. Не греми, рукомо́йник. Помолчите, репродукторы.

Дайте дописать стихи.

Дмитрий Шеваров
Май 2020 года

1941

Баста! Мы уже воспеты
В гимнах, панегириках, стихах.
Маршируют ротные поэты
В розовых кирзовых сапогах.

Воронами голуби кружили.
По полям клубился фимиам.
Где-то пушки бегло говорили,
Музы к ним снаряды подносили...

Николай Зиновьев
1941

ЛЕОНИД КРАПИВНИКОВ 19 лет

АЛЕКСЕЙ ЛЕБЕДЕВ 29 лет

БОРИС СМОЛЕНСКИЙ 20 лет

ГЕОРГИЙ ВАЙНШТЕЙН 22 года

*«Я вернусь
таким же утром
синим...»*

Леонид Крапивников 19 лет

Боец парашютно-десантной
роты авиации Черноморского
флота. Погиб 19 или 20 сентября
1941 года во время десантной
операции под Одессой.

Стихи, которые Леонид Крапивников успел написать в первые месяцы войны, пропали. У матери осталась лишь тетрадка с его довоенными, школьными текстами.

В 1972 году в Киеве вышла его посмертная книга. В 1984 году ее переиздали. Тираж был совсем маленький. Найти этот 37-страничный сборник сейчас нелегко.

Леонид Осипович Крапивников родился 19 декабря 1921 года в Киеве. Учился в школе № 69. С детства сочинял стихи. В седьмом классе он написал поэму, посвященную спасению челюскинцев, и лично вручил ее Отто Юльевичу Шмидту.

Первые навыки прыжков с парашютом Леонид получил в киевском аэроклубе. После школы он пошел учиться в политехнический институт. В 1940 году, остро чувствуя приближение войны, Леня оставил институт и поступил в Ейское военно-морское авиационное училище. В числе самых способных курсантов он обучался по отдельной ускоренной программе. В начале войны,

очевидно, приписав себе шесть лет (в документах Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации годом рождения Леонида Крапивникова числится 1916 вместо 1922), служил в 32-м истребительном полку 62-й истребительной бригады ВВС Черноморского флота. В связи с обнаружившейся болезнью глаз Леонид был переведен в технический состав полка, а вскоре добровольцем вступил в парашютно-десантную роту флотской авиации. Моряков, желавших служить в таком подразделении, было много; отбирали только тех, кто имел опыт парашютных прыжков и в совершенстве знал стрелковое оружие.

В середине сентября румынская армия почти вплотную приблизилась к Одессе. Вражеская дальнобойная артиллерия обстреливала акваторию порта. Обороняющиеся попросили у Ставки подкрепление. В ответ пришла директива: продержаться 6—7 дней до подхода резервов. Тогда командование Одесского оборонительного района решилось на отчаянный шаг — ударом с моря контратаковать намного превосходящие силы немецко-румынских войск. Операцию поручили 3-му полку морской пехоты. 1600 морпехов должны были высадиться ночью с шести кораблей в районе села Григорьевка.

Но первыми в бой пошли краснофлотцы парашютно-десантной группы Черноморского флота, и среди них — Леонид Крапивников. Их рейд должен был отвлечь внимание противника от морских пехотинцев, нарушить управление частями румынских войск. На подготовку десантникам дали всего три дня. Они и познакомиться-то друг с другом толком не успели.

Каждый десантник был вооружен пистолетом-пулеметом ППШ, двойной нормой патронов, шестью

гранатами, десантным ножом. Командиром группы назначили старшину Анатолия Кузнецова.

Поздним вечером 21 сентября 1941 года на аэродроме в Евпатории небольшой отряд из моряков-десантников принял на борт бомбардировщик ТБ-3. В половине второго ночи, когда корабли подошли к месту высадки морпехов у Григорьевки, ТБ-3 выбросил десант через бомболюки в четырех километрах севернее деревни Шицли. Тихоходный четырехмоторный ТБ-3 был мало приспособлен для десантирования, и в условиях сильного ветра парашютисты рассеялись на большой площади.

Леонид Крапивников оказался оторван от основной группы, приземлившись на другой стороне Аджалыкского лимана в районе Старых Беляр. Очевидно, еще при приземлении по десантнику открыли огонь, он был ранен. Жители села Дофиновка укрыли бойца, но кто-то выдал его. Леонид попал в плен. Военный историк Олег Каминский, работавший во Фрайбургском военном архиве, нашел там протокол допроса Леонида Крапивникова. Этот сухой документ свидетельствует о стойкости 19-летнего краснофлотца.

О дальнейшей судьбе Леонида в немецком архиве сведений нет. Каминский считает, что его расстреляли сразу после допроса. Место захоронения неизвестно.

В декабре 1941 года мать Софья Михайловна, находясь в эвакуации в Средней Азии, получила извещение, что сын пропал без вести 19 сентября. А в донесении о потерях написали: «Не вернулся с боевого задания 13.IX.41».

Только через семь месяцев после его гибели, в мае 1942 года, обстоятельства героической смерти Крапивникова прояснились. Софья Михайловна получила

1941 год

похоронку, подписанную военкомом части старшим политруком Пронченко:

Извещение

Ваш сын погиб смертью настоящего советского патриота во время высадки десанта в районе Одессы. Личный состав части поклялся отомстить немецким захватчикам за смерть лучшего товарища — Леонида Крапивникова.

Из десанта вернулись тринадцать товарищей Леонида. Девять человек погибло. Боевое задание они выполнили: посеяв панику в тылу врага, отвлекли внимание от морского десанта. Противник был отброшен от Одессы на пять, а местами и на восемь километров. Морпехи нанесли большой урон двум румынским дивизиям, захватили дальнобойную артиллерийскую батарею, обстреливавшую город.

Защитники города приободрились. Дядя моей мамы Евгений Рымаренко, аспирант кафедры языкознания Одесского университета, писал родным 26 сентября 1941 года: «Я жив, здоров. Защищаю Одессу от румынских полчищ, стремящихся захватить и уничтожить наш прекрасный город. Писать много нечего: *À la guerre comme à la guerre* (На войне, как на войне!)...»

В ночь на 1 октября в Одессу прибыли представители Ставки с директивой: «В связи с угрозой потери Крымского полуострова в кратчайший срок эвакуироваться войскам Одесского района на Крымский полуостров».

Утром 16 октября последний корабль с нашими военными покинул Одессу. Сводка Информбюро о том, что войска оставили Одессу, поразила всех — и в тылу, и на

фронте. В брошенный город без боя вошли румынские части. И все-таки это произошло почти на два месяца позже, чем рассчитывал Антонеску — он планировал провести парад своих войск в Одессе 23 августа.

За сентябрь и начало октября из Одессы морем успели эвакуироваться почти сто тысяч жителей. Эта цифра была бы больше, но для гражданского населения не хватало кораблей, а значит, и пропусков на эвакуацию. Почти 250 тысяч человек остались в городе.

Вернувшиеся десантники из группы Кузнецова были награждены орденами Красного Знамени, один — орденом Ленина. Подвиг Леонида Крапивникова до сих пор никак не отмечен.

В 1944 году в освобождении Одессы участвовал артиллерист Константин Левин — ровесник Леонида Крапивникова. Левин написал стихи-эпитафию (они были опубликованы лишь полвека спустя):

Я буду убит под Одессой.
Вдруг волны меня отпоют.
А нет — за лиловой завесой
Ударят в два залпа салют...

Левин был тяжело ранен, но выжил, а после войны поступил в Литературный институт им. А. М. Горького.

Близ полузаброшенного села Григоровка (так оно теперь называется) Коминтерновского района Одесской области ветшает установленная тридцать лет назад стела с надписью: «На этом месте будет сооружен памятный знак Одесскому воздушному десанту, выброшенному 22 сентября 1941 года».

Из писем Леонида Крапивникова маме:²

...Мамочка, когда я уезжал, мы договорились с тобой, что, как только начнутся солнечные дни, Ты закроешь стекла моего шкафа, чтобы книги не выгорали. Сделала ли Ты это? Вообще, если увидишь хорошие книги — покупай (мне денег не высылай), а особенно постарайся достать «Витязя в тигровой шкуре» в переводе Бальмонта...

...Я получил новое назначение — инструктора по укладке парашютов — в первую эскадрилью. Ты спрашиваешь — чему я здесь, на фронте, учусь? Всему — как жить и воевать.

Тебя, наверное, интересует, летаю ли я сам? Уже нет. И вряд ли буду. У меня что-то случилось с глубинным зрением: я не вижу земли, когда иду на посадку.

...Между боевыми вылетами на задание я много читаю, думаю, готовлюсь к тому великому труду

² Печатаются по изданию: Леонид Крапивников. Возвращение. Стихи / Предисловие Ф. Зубанича. Киев: Молодь, 1984.

и учебе, которые ждут нас всех, когда разобьем Гитлера.

...Я страшно за Тобой скучаю. Ну, ничего, вернусь из армии, буду работать для Тебя, и Ты сумеешь отдохнуть. Получила ли Ты мое письмо, в котором я писал, что больше не летаю, а служу рядовым краснофлотцем-десантником в одной из авиачастей?

...Ты пишешь, что там, в селе, где ты отдыхаешь, есть библиотека. Советую Тебе прочесть еще раз Лескова — он как лекарство от беспокойных мыслей и волнений...

...А вот когда отвоюем, тогда буду учиться. Хочется быть морским инженером и поступить на литературный факультет. Оба эти пути мне доступны...

Стихотворения Леонида Крапивникова³

О тебе деревья говорят

1

Надвигается сумрак серый,
И печален заброшенный сад.
Молодые, как пионеры,
За окном деревья шумят.
День на западе остывает,
Торжествует упрямая мгла.
Где ты бродишь, моя дорогая?
Где тропинка твоя пролегла?

2

Он такой печальный, этот вечер,
Звезды загораются в пруду.
Неужели я тебя не встречу,
Звездочкой своей не назову?

³ Печатаются по изданию: Леонид Крапивников. Возвращение. Стихи / Предисловие Ф. Зубанича. Киев: Молодь, 1984.

Не поймаю глаз лучисто-серых,
Не пойду с тобой в наш старый сад,
Не скажу: шумны, как пионеры,
О тебе деревья говорят.

1 мая 1928 года

Автору 6 лет⁴

О старости

Словно вор, крадется старость,
Злая старость — седина.
Только мы с тобой остались
Непокорны, как весна.

Только мы с тобой остались
Молодыми навсегда.

Словно птицы, разлетались
По далеким берегам,
Словно птицы, собирались
Теплым мартом по домам.

Если утро песней брызнет —
Отвори пошире дверь.
Если песня та о жизни —
Этой песне ты не верь.

Эта песня — только вестник
Горькой тяжести потерь.

До 1937

⁴ Датой написания стихотворения указала мать автора.

* * *

Журавли над озером хлопочут,
Млечный Путь уходит в синь до дна.
Очень много ярких звезд у ночи,
Только девушка одна.

Птицы улетают на рассвете —
Наша осень птицам холодна.
Очень много дальних стран на свете,
Только девушка одна.

Но опять весна лучами брызнет,
И земля проснется, голодна.
Очень много есть дорог у жизни,
Только девушка одна.

Каждый день с упрямой жизнью споришь,
А она по-прежнему бледна,
Много есть у человека горя,
Только девушка одна.

Я вернусь

Покидал я город на рассвете.
Я да ветер шагали в тишине.
Только дети, маленькие дети,
Испугавшись, плакали во сне.

Матери от крика просыпались.
Наши матери чисты, как грусть.
Только тополя со мной прощались.
Это им ответил я: вернусь!

Я вернусь таким же утром синим.
Песню ту, что прежде, запою.
Я глаза оставляю молодыми,
Только волосы посеребрю.

А пока прощайте, дорогие,
Ветер свеж — дорога далека.
По небу уходят молодые,
Быстрые, как птицы, облака.

Птица

Сын засыпал.
И сквозь сумрак весенний
в угол склонялись бесшумные тени.
Важно кивали друг другу навстречу
и убегали, сгущаясь, как вечер.

Вдруг он спросил, тишины не расстроив:
«Мамочка, что это — счастье — такое?
С кем оно дружит и где оно ходит?
Кто его утром, проснувшись, находит?»

«Милый, — ответила мать, улыбаясь, —
счастье, сынок, это птица такая.
Светлая птица заденет крылом.
Птица умчится — и нет ничего».

Выросла ночь.
А ребенку не спится —
в черной кайме пролетает жар-птица,
Яркие искры роняет кругом,
спинку кровати задела крылом.

1941 год

В раме оконной зажгла, погода,
свежий огонь наступившего дня.

Песня про девушку

Несчастлива́ эта девушка, что пилота полюбила
За упрямые, глубокие, темно-серые глаза.
У проснувшегося вечера потемневшие ветрила,
У проснувшегося вечера потеплевшие глаза.

Пусть гитара затаенная брызнет радостными
струнами,
Тишину многоголосую долгим эхом оборвав.
И, обычно молчаливая, до росинки каждой
лунная,
До травинки каждой звездная, ночь трепещет,
как струна.

Пробужденье́м дня напуганы — видишь —
звезды стали холодны,
Серп луны, такой заманчивый, голубой рассвет
украл.
Небо ждет нас посветлевшее, беспокойное,
как молодость.

Небо грозное, как молодость, нам покорно,
как штурвал.
И дорогами знакомыми нас оно встречает
ветрами,
За крылом, мотором взорвана, уплывает тишина.

Отзвук ночи, голос девушки погребен
под километрами.
И гитара громкострунная навсегда заглушена.

Нет, несчастлива та девушка,
Что пилота полюбила,
Что пилота целовала
В темно-серые глаза.

Геньке

Навсегда мы в сердце сохранили
Солнечные пятна на стене.
Мы ладонью зайчиков ловили.
Не поймали. Нет.

Нынче наше детство миновало.
Отзвенело, как ручьи весной.
Мы с тобой шагали от вокзала
Незнакомой улицей прямой.

Только глаз одних не позабыли,
У которых смех на самом дне.
Счастье мы ладонями ловили.
Не поймали. Нет.

1938-1940

